

найдется». На этом основании можно углубить наши представления о поэтике имени героя Достоевского, как его интерпретирует писатель XX в. (Море – образ полисемантический, воплотивший огромность, широту и спокойствие, с одной стороны, бунтарство и мощь, с другой). Сам выбор имени (его странность, подчеркнута нерусское происхождение) свидетельствовал о стремлении Достоевского разобраться в генезисе русского национального характера.

Опыт автора «Дневника писателя» оказался плодотворным в дальнейших мучительных раздумьях писателя другой историко-литературной эпохи – Шукшина – о национальном и о необходимости поиска социального мира.

Примечания

1. Подробнее об этом: Куляпин А.И. Левашова О.Г. В.М. Шукшин и русская классика. Барнаул, 1998.
2. Шукшин В. Я пришел дать вам волю. Публицистика. Барнаул, 1991.
3. Роберт Л. Дж. Искусство Достоевского. Бреды и ноктюрны. М., 1998.
4. Достоевский Ф.М. Полное собр. соч.: В 30 т. Л., 1981. Т. XXII.
5. См. об этом: Редко Я.П. Богородичные мотивы в творчестве Н.А. Клюева и В.М. Шукшина // В.М. Шукшин. Жизнь и творчество. Барнаул, 1994. С.48–50; Редко Я.П. Богородичные мотивы в романе Шукшина «Я пришел дать вам волю» и поэме Клюева «Погорельщина» // Творчество В.М. Шукшина. Метод. Поэтика. Стыль. Барнаул, 1997. С. 131–142 и др.
6. Десятов В.В. Волки // Творчество В.М. Шукшина в современном мире. Барнаул, 1999.

© Н.Н. Матвеева

Псков

«СЕВАСТОПОЛЬСКОЕ БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ» А.ФЕТА И «СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ» Л. ТОЛСТОГО

Стихотворение А. Фета «Севастопольское братское кладбище» датируется 18 июня 1887 года. Можно предположить, что, создавая его, поэт имел в памяти «Севастопольские рассказы» Л. Толстого, созданные в пятидесятые годы.¹ Первый из них – «Севастополь в декабре месяце» – был написан в апреле 1855 года, а напечатан в № 6 «Современника». Рассказ «Севастополь в мае» (первоначальное название «Весенняя ночь в Севастополе») закончен в июле этого же года и опубликован в № 8 «Современника» под названием «Ночь весной 1855 года в Севастополе». Это был, кстати, первый из рассказов, подписанный полным именем писателя.

Свидетельством того, что Фет хорошо знал «Севастопольские рассказы» Толстого, являются его воспоминания о посещении в 1879 году

братского кладбища участников Севастопольской обороны 1854–1855 гг. Описывая свои впечатления от этого посещения, Фет писал: «Нигде и никогда не испытывал я того подъема духа, который так мощно овладел мною на братском кладбище. Это тот самый героический дух, отрешенный от всяких личных стремлений, который носится над полем битвы и один способен стать предметом героической песни. Кто со смыслом читал Иллиаду, начало «Классической Вальпургиевой ночи» во второй части Фауста, или Севастопольские рассказы гр. Л. Толстого, – поймет, о чем я говорю...»² Поэтому у нас есть все основания для того, чтобы сравнить два этих произведения.

«Севастопольские рассказы» создавались Толстым по горячим следам событий Крымской войны, в то время как стихотворение Фета написано через много лет после этого. Но оба художника запечатлели войну именно как героическое событие в жизни России, хотя описывают его по-разному.

«Севастопольские рассказы» Толстого состоят из трех очерков, не связанных между собою сюжетными линиями. В первом очерке цикла – «Севастополь в декабре месяце» – автор подробно описывает защитников Севастополя в госпитале. В очерке «Севастополь в мае» Толстой пытается рассказать всю правду о человеке на войне, вскрыть природу героического, описывая поведение офицеров в разные минуты боя. В последнем очерке – «Севастополь в августе 1855 года» – рассказывает трагическая история братьев Козельцовых, погибших во время осады города.

Фет, описывая братское кладбище, запечатлел в стихотворении «геройский дух», который все еще «носится над полем битвы». Поэт, как и Толстой, славит отвагу бойцов, павших ради отчизны:

Какой тут дышит мир! Какая славы тризна
Средь кипарисов, митр и каменных гробов!
Рукою набожной сложила здесь отчизна
Священный прах своих сынов.
Они и под землей отвагой прежней дышат...
Боюсь, мои стопы покой их возмутят,
И мнится, все они шаги живого слышат,
Но лишь молитвенно молчат.
Счастливы! Вышею пылали вы любовью:
Тут, что ни мавзолей, ни надпись – все боец,
И рядом улеглись, своей залиты кровью,
И дед со внуком, и отец.
Из каменных гробов их голос вечно слышен,
Им внуков поучать навеки суждено,
Их слава так чиста, их жребий так возвышен,
Что им завидовать грешно...

Если сопоставить стихотворение Фета и близкие по смыслу фрагменты «Севастопольских рассказов», то можно найти явные текстовые переклички.

Например, и Фет, и Толстой подчеркивают, что защита Севастополя – высокое дело русского народа. У Фета находим слова:

Их слава так чиста, их жребий так возвышен,
Что им завидовать грешно...

У Толстого в рассказе «Севастополь в декабре месяце» читаем о защитниках города: «... которые в тяжелые времена не упали, а возвысились духом...».³ В рассказе «Севастополь в августе 1855 года» Толстой пишет: «На дне души каждого лежит та благородная искра, которая делает из него героя; но искра эта устает гореть ярко, – придет роковая минута, она вспыхнет пламенем и осветит великие дела» (С.110). Толстой также пишет, что «... опасность, злоба и страдания войны... проложили еще следы сознания своего достоинства и высокой мысли и чувства» (С.18). Герои же стихотворения Фета «высшею пылали любовью».

По мнению обоих писателей, само сражение «возвышает солдат»: «их жребий так возвышен» (Фет) и тех, кто наблюдает за ним: «увидите там изумительные, возвышающие душу зрелища» (Толстой) (С.9). Однако у Толстого слово «жребий» употреблено не только в переносном, но и в прямом значении. В рассказе «Севастополь в августе 1855 года» офицеры тянут жребий, кому идти на мортирную батарею: «...напрашиваться не след; а коли Аполлон Сергеич предоставляет это нам, то кинуть жребий, как и тот раз делали» (С.117).

Оба художника подчеркивают, что участники обороны Севастополя испытывают чувство любви к родине. Фет пишет:

Счастливы! Высшею пылали вы любовью...

У Толстого читаем: «... чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине каждого, – любовь к родине» (С.20).

В произведении и того, и другого автора делается акцент на то, что героем обороны Севастополя стала не отдельная личность, а русский народ в целом. Об этом пишет Толстой в рассказе «Севастополь в декабре месяце»: «эпопея Севастополя, которой героем был народ русский» (С.21). Поэт же говорит об отчизне, сложившей «священный прах своих сынов».

Участники обороны Севастополя готовы пожертвовать жизнью ради спасения родины. Так, Толстой рассказывает о людях, «которые с наслаждением готовились к смерти за родину» (С.21). Герой рассказа «Севастополь в августе 1855 года», Козельцов старший, умирая, думает о том, что «он хорошо исполнил свой долг, что в первый раз за всю свою службу он поступил так хорошо, как только можно было, и ни в чем не может упрекнуть себя» (С. 130). Фет подчеркивает бессмертие «геройского духа» русских солдат такой строкой:

Они и под землей отвагой прежней дышат...

И Фет, и Толстой подчеркивают, что герои Севастополя – высокие герои, для которых характерны скромность и чувство собственного достоинства. В стихотворении Фета они «лишь молитвенно молчат», а читая рассказы Толстого, «вы молча склоняетесь перед этим молчаливым, бессознательным величием и твердостью духа, этой стыдливостью перед собственным достоинством» (С.10).

Важной для обоих писателей становится и мысль о том, что солдаты выполнили на той войне свой священный долг перед родиной, что в этом им помогала их вера в Бога. В стихотворении Фета есть такие строки:

Рукою набожной сложила здесь отчизна

Священный прах своих сынов.

Герои Толстого часто обращаются к богу: «Слава богу, слава богу», – проговорил раненый Михаил Козельцов, которому священник говорит о том, что «везде победа за нами осталась», хотя это было неправдой (С.30). Фельдфебель, здороваясь с ротным Михаилом Козельцовым, возвратившимся из госпиталя, говорит: «Как здоровьем поправились, ваше благородие? Ну и слава богу. А то мы без вас соскучились» (С.107). В этом же эпизоде рассказа «Севастополь в августе 1855 года» солдаты жалуются бывшему ротному, что француз «в поле не выходит», а бьет из окопов, на что Козельцов отвечает: «Авось, на мое счастье, бог даст, и выйдет в поле, ребята!» (С.107). Благодарит бога солдат Васин за то, что «сами живые вышли» (С.133) из сражения, в котором из «числа двадцати солдат, бывших на мортирной батарее, спаслось только восемь» (С.132).

В этом же бою погибает и один из братьев Козельцовых, Володя. Осеняет себя крестным знаменем в момент смертельной опасности Володя Козельцов, вспомнив мать, молящуюся перед чудотворной иконой: «... мысль о боге всемогущем, добром, который все может сделать и услышит всякую молитву, ясно пришла ему в голову. Он стал на колени, перекрестился и сложил руки так, как его в детстве учили молиться» (С.134). Просит бога о смерти тяжело раненный солдат, лежащий «между пятьюстами такими же ранеными на каменном полу Павловской набережной» (С.134).

Все герои «Севастопольских рассказов» надеются на божье благословение. «С богом» посылает батарейный командир Володю Козельцова, которому выпадает жребий идти на батарею (С.117). «Крестясь, бормотал молитву перед сном» старый фейерверкер (С.122). А оставляя Севастополь врагам, «выходя на ту сторону моста, почти каждый солдат снимал шапку и крестился» (С.135).

Постоянно присутствуют в рассказах и символы православной веры: крест и иконы. Священник стоит возле носилок, около Николаевской казармы. По указке доктора он подходит к умирающему солдату, читает молитву и подает крест (С.130). В блиндаже, куда приводят Козельцова-

старшего, «в углу висела большая, в золотой ризе, икона божьей матери, и перед ней горела розовая лампадка» (С.104). Михайлов, герой рассказа «Севастополь в мае», дотрагивается «беспрестанно до образа Митрофанья-угодника, в которого он имел особую веру» (С.60). Как мы видим, то, что так подробно было описано Толстым в «Севастопольских рассказах», Фетом лаконично показано в образе «набожной руки отчизны».

Наконец, оба художника запечатлели в своих произведениях многочисленные кровавые потери во время обороны города. Толстой описывает «сотню свежих окровавленных тел людей», лежащих на «росистой цветущей долине» (С.60). В стихотворении Фета «рядом улеглись, своей залиты кровью, и дед со внуком, и отец». Преемственность поколений важна и для Фета, и для Толстого. Так, поэт говорит о бойцах, которым «внуков поучать навеки суждено». Толстой же, описывая посещение госпиталя, приводит рассказ жены раненого матроса о том, как «великие князья говорили с ним и пожаловали ему двадцать пять рублей и как он сказал им, что он опять хочет на бастион, с тем чтобы учить молодых, ежели уж сам работать не может» (С.10).

Проведенные наблюдения, на наш взгляд, позволяют предположить, что стихотворение создавалось Фетом не только под впечатлением посещения братского кладбища, но и под влиянием «Севастопольских рассказов» Толстого, что подтверждает ряд текстовых переключек.

Примечания

1. Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828–1890. М.: Гослитиздат, 1958. С. 59, 61.
2. Фет А.А. Мои воспоминания. 1848–1889. Ч.1–2. М., 1890. Ч.2. С. 378.
3. Толстой Л.Н. Севастопольские рассказы. Л.: Лениздат, 1970. С. 21. В дальнейшем все цитаты из рассказов Толстого даются по этому изданию в тексте.

© А.А. Медведев
Тюмень

ФЕНОМЕН А.С. ПУШКИНА В ЭССЕИСТИКЕ В.В. РОЗАНОВА

*Воды глубокие
Плавно текут.
Люди премудрые
Тихо живут.
А.С. Пушкин*

В творческом наследии Розанова 11 статей, появившихся в периодике рубежа веков, точнее, эссе, в названии которых фигурирует имя Пушкина. Все творчество Розанова, начиная с первой книги и заканчивая «опавшими листьями», пронизано мыслями о Пушкине: он постоянно